

236000

Отношеніе Н. И. Костомарова къ г. Харькову и Харьковскому университету ¹⁾.

Послѣ окончанія курса гимназій въ городѣ Воронежѣ Николай Ивановичъ Костомаровъ рѣшилъ поступить въ университетъ. Въ августѣ 1833 г., выдержавши вступительный экзаменъ, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Здѣсь онъ помѣстился на квартирѣ у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго, что часто практиковалось въ то время. Въ своей „Автобіографіи“ Н. И. Костомаровъ рассказываетъ о своемъ житіѣ-бытіѣ такъ: „Содержаніе и обращеніе съ нами

¹⁾ Этому вопросу посвящены обстоятельныя монографіи А. С. Грушевскаго. „Изъ Харьковскихъ лѣтъ Костомарова“ (Изв. отд. русск. яз. и слов. 1911 г. кн. 1-я), и „Раннія этнографическія работы Н. И. Костомарова“ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1908 г., апрѣль). Но въ нихъ авторъ останавливается почти исключительно на литературно-научной дѣятельности Н. И. Костомарова въ харьковскій періодъ и мало касается жизни. Я же говорю только о пребываніи его въ Харьковѣ, основываясь какъ на его собственныхъ свидѣтельствахъ (въ „Автобіографіи“), такъ и на мемуарахъ современниковъ, свидѣтельства которыхъ не исчерпаны А. С. Грушевскимъ; въ заключеніи статьи я привожу текстуально письма Н. И. Костомарова, ясно рисующія его любовь къ Харькову и Харьковскому университету.

Этотъ новый и цѣнный матеріалъ для біографіи Н. И. Костомарова сообщенъ мнѣ моимъ отцомъ Д. И. Багалъемъ, предложившимъ мнѣ настоящую тему, давшимъ мнѣ для нея необходимыя бібліографическія указанія и побудившимъ меня обработать ее для печати. Сознаю всю недостаточность моей обработки, и если рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ настоящую работу, то только потому, что она заключаетъ въ себѣ сводъ фактическихъ данныхъ изъ первоисточниковъ, въ томъ числѣ и неизданныхъ.

Проверено
ЦНБ
1939

„Русская Старина“, т. СЛХ. Декабрь 1914 г.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ

236000

было очень хорошее, одно только нѣсколько беспокоило меня: Сокальскій не позволялъ курить табакъ, а это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, воткнувши для куренія трубку въ верхній душникъ печки, нечаянно зажегъ сажу и самъ испугался, едва потушилъ и не допустилъ до пожара, но послѣ того Сокальскій махнулъ рукой и сказалъ: „Лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете“.

Въ первый годъ своего пребыванія Костомаровъ усиленно занимался изученіемъ языковъ и воображеніе его стало сильно занимать античный міръ; однажды послѣ чтенія Иліады въ подлинникъ Костомаровъ вздумалъ разыграть цѣлую сцену, какъ Ахиллъ волочить тѣло Гектора вокругъ стѣнъ Іліона. Для этого товарищи привязали его къ дѣтской повозочкѣ и стали тащить внизъ по деревянной лѣстничкѣ флигеля; на шумъ прибѣжалъ Сокальскій и бывшіе у него профессора; узнавъ, въ чемъ дѣло, всѣ стали смѣяться; но когда К. стали отвязывать, оказалось, что его голова была вся въ крови.

Въ 1835 г. К. замѣтилъ въ Харьковскомъ университетѣ начало обновленія: на кафедрѣ всеобщей исторіи появился Мих. Мих. Лунинъ, лекціи котораго отличались „богатствомъ содержанія“ и „критическимъ направленіемъ“, эти лекціи производили сильное впечатлѣніе на К.: „Я полюбилъ исторію болѣе всего“, пишетъ онъ, „и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предавался чтенію и изученію историческихъ книгъ“. Альфонсъ Осиповичъ Валицкій, читавшій греческую литературу, былъ превосходнымъ лекторомъ.

Въ 1835 г. Н. И. переселился къ проф. русск. исторіи и малорусскому поэту П. П. Гулаку-Артемовскому, гдѣ по цѣлымъ днямъ и даже по ночамъ занимался чтеніемъ историческихъ книгъ. Со студентами вообще К. имѣлъ мало дѣла и объясняетъ это тѣмъ, что между студентами тогда вообще было мало единенія, да и общій уровень ихъ не былъ очень высокъ: среди нихъ видную роль играли сынки богатыхъ родителей, отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; ихъ обыкновенно помѣщали на квартирахъ у профессоровъ, всякими средствами, прямыми и окольными они старались получить дипломъ, „*manus manum lavat*“, говорили тогда профессора и весьма снисходительно относились къ пансіонерамъ своихъ товарищей; другую группу составляли молодые люди, ставившіе цѣлью своей жизни только служебную карьеру, и лишь очень небольшая часть студенчества дѣйствительно любила занятія и науку. К. много занимался и надѣялся получить степень кандидата;

но тутъ произошелъ съ нимъ забавный случай у профессора Паки-де-Савиньи. „Заведено было, что передъ экзаменами студенты ходили къ нему на домъ брать „лессоны“ и платили за каждый по красненькой“, т. е. по 10 руб. „Я“, говоритъ Н. И., „прошелъ одну страничку и далъ ему красненькую; „*Bien, monsieur, vous aurez optime*“. Но я замѣтилъ, что для меня нужно „emimenter“. Профессоръ на это сказалъ: „*pour l'emimenter il faut prendre encore une leçon*“. Я далъ ему еще одну красненькую. Но на экзаменѣ Паки-де-Савиньи перепуталъ фамилію К. съ фамиліей другого студента и сталъ спрашивать другое. „Постоявши немного, я сталъ говорить заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки-де-Савиньи все еще не понималъ. наконецъ деканъ факультета шепнулъ ему на ухо, и французъ записалъ emimenter, но это „emimenter“ не помогло, такъ какъ по богословію было „bene“: пришлось переносить весь экзаменъ на степень кандидата.

Въ 1837 г. К. опредѣлился юнкеромъ въ Острогжскій полкъ. Но, проживая въ Острогжскѣ, онъ увлекся богатымъ архивомъ уѣзднаго суда, проработалъ тамъ цѣлое лѣто надъ казачьими бумагами и составилъ по нимъ историческое описаніе Острогжскаго слободскаго полка, приложивъ къ нему много важныхъ документовъ и приготовивъ его къ печати. Въ будущемъ К. намѣревался перебрать такимъ же образомъ архивы и другихъ слободскихъ полковъ, чтобы составить исторію всей Слободской украины. Но этотъ начатый трудъ былъ взятъ полиціей при арестѣ К. въ 1847 г. и до сихъ поръ не найденъ, несмотря на всѣ поиски его. Осенью 1837 г. К. снова вернулся въ университетъ и началъ готовиться къ магистерскому экзамену, слушалъ лекціи, читалъ много историческихъ книгъ, и тутъ же созрѣла у него мысль о необходимости изученія жизни народной массы и собиранія памятниковъ малорусскаго народнаго творчества. Этотъ промежутокъ времени между 1837 г. и 1844 г., т. е. семь лѣтъ былъ особенно благотворенъ для него; въ это время сформировались взгляды К. на малорусскую народность, пробудился интересъ къ исторіи Малороссіи и ея этнографіи.

К. принялся за чтеніе малорусскихъ пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ: „Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи“, пишетъ онъ: „я никакъ не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столь близкаго ко мнѣ, и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ“.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ представителями малорусскаго литературнаго движенія въ Харьковѣ были А. Л. Метлинскій, Изм. Ив. Срезневскій, Корсунъ и др. „Въ то время“, говоритъ Н. И., „отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ я перешелъ къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало“. Но, не удовлетворяясь этимъ, Н. И. началъ совершать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по окрестностямъ, сообщаетъ онъ, „слушалъ рѣчи и разговоры, записывалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, разспрашивалъ о народномъ житьѣ-бытьѣ, записывалъ сообщаемыя мнѣ извѣстія и заставлялъ себя пѣть пѣсни“. Свѣдѣній по исторіи Малороссіи у К. почти не было, малорусской рѣчью онъ также еще не успѣлъ овладѣть, но онъ все же сталъ писать статьи по-малорусски, издавъ ихъ впоследствии въ сборникѣ „Украинскія Баллады“.

„Я не поддавался ничему“, пишетъ все же К. „а напротивъ увлеченіе болѣе и болѣе овладѣвало мной“, а нѣсколько дальше замѣчаетъ: „Любовь къ малорусскому слову болѣе и болѣе увлекала меня, мнѣ было досадно, что такой прекрасный языкъ остается безъ всякой литературной обработки и сверхъ того подвергается совершенно незаслуженному презрѣнію“. „Бѣдя изъ Харькова въ свое имѣніе и обратно въ Харьковъ, я по дорогѣ завелъ себя въ разныхъ мѣстахъ знакомыхъ поселенъ, къ которымъ заѣзжалъ и при ихъ помощи сходилъ съ народомъ. При этомъ я записывалъ множество пѣсенъ и разныхъ свѣдѣній о народныхъ обычаяхъ и обрядахъ“.

Въ 1840 г. былъ напечатанъ сборникъ стихотвореній Ник. Ив. подъ назв. „Вѣтка“, въ 1841 г. Н. И. помѣстилъ въ Харьковскомъ сборникѣ Корсуна „Сніпъ“ трагедію „Переяславска Ничъ“ и переводъ еврейскихъ мелодій Байрона, а въ 1843 г. снова напечаталъ въ Харьковскомъ сборникѣ Бецкаго „Молодыкъ“ (2-й вып.) 17 стихотвореній и сказку: „Торба и Лови“, а въ третьемъ вып. „Молодыка“ 3 статьи свои: „Первыя войны малороссійскихъ казаковъ съ поляками“, „Обзоръ сочиненій, написанныхъ на малорусскомъ языкѣ“ и „Русско-польскіе вельможи“.

Въ этотъ промежутокъ времени Н. И. сильно сблизился съ цѣлымъ рядомъ представителей малорусскаго литературнаго движенія въ Харьковѣ: „Въ это время“, пишетъ онъ, „я сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, такъ же, какъ я, преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы: это были—Корсунъ, студентъ Петренко, студентъ Щего-

левы, впоследствии известный малорусский поэт, семинарист Писаревский и др. Квитка-Основьяненко также имел непосредственное влияние на К., онъ часто ѣздилъ къ нему съ Бецкимъ и Корсунемъ. Имелъ влияние также на него и проф. А. Л. Метлинский: онъ въ свое время пользовался широкой известностью. Въ его стихахъ видѣли глубину чувства, прекрасное пониманіе казацкой старины и даже художественное выполненіе. Но главная заслуга А. Л. Метлинскаго состояла въ изданіи болѣе 800 малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Студенты-малороссы, въ томъ числѣ и К., посѣщали частенько его квартиру, слушали разные мелодіи.

Живя въ домѣ у П. П. Гулака-Артемовскаго, К. наслушался у него анекдотовъ и рассказовъ изъ народной жизни.

Первая диссертация К. „О значеніи Уніи въ исторіи западной Руси“, поданная имъ еще въ 1841 г., была, какъ известно, предана сожженію: министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ прислалъ написанный отзывъ о работѣ К. и приказалъ уничтожить всѣ экземпляры, позволивъ впрочемъ Костомарову писать другую диссертацию.

Тогда К. взялъ другую тему: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. „Предметъ этотъ“, говоритъ Н. И., „былъ давно близокъ моему сердцу, уже нѣсколько лѣтъ я записывалъ народныя пѣсни и у меня ихъ накопилось довольно“.

Эта тема встрѣтила неодобрительное отношеніе Гулака-Артемовскаго и нѣкоторыхъ другихъ, но все же факультетъ утвердилъ поданную въ 1843 г. диссертацию на эту тему.

13-го января 1844 г. К. послѣ защиты ея получилъ степень магистра историческихъ наукъ: „Только одинъ профессоръ Лунинъ (всеобщей исторіи)“, говоритъ Н. И., сочувствовалъ моей мысли о введеніи народнаго элемента въ науку исторіи“. Онъ предлагалъ дать К. заграничную подготовку, но не встрѣтилъ ни въ комъ изъ профессоровъ должнаго сочувствія. Недостатокъ средствъ заставилъ К. принять мѣсто субинспектора — это была административная должность, совершенно неподходящая Н. И.: нѣсколько разъ онъ бралъ вину на себя, не желая, чтобы наказывали студентовъ: „Лучше получить замѣчаніе“ говорилъ Н. И., „чѣмъ играть роль жандарма, уличать студентовъ, подвергать ихъ строгому наказанію“.

Александръ Корсунъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, какъ онъ познакомился въ первый разъ съ Ник. Ив.: его сотрудникъ по изданію сборника принесъ ему экземпляръ

„Вѣтки“ Н. И. Костомарова: его смутило названіе чисто великорусское и дальнѣйшая неправильная орѳографія, но на него сразу повѣяло чѣмъ-то свѣтлымъ, хорошимъ. Корсунъ пошелъ знакомиться къ К., и они сразу сошлись на любви къ малорусскому языку. Въ тотъ же вечеръ К. доставилъ Корсуну свою „Переяславску Ничь“. „Я“, вспоминаетъ Корсунъ, „съ восторгомъ слушалъ прекрасное произведеніе К. и слушая чувствовалъ, какъ бѣгали у меня по спинѣ мурашки, а порою наворачивались на глаза слезы... Да, это чтеніе оставило во мнѣ такое глубокое впечатлѣніе, что ни годы, ни житейскіе перевероты духовные и вещественные не были въ силахъ изгладить его“. Съ тѣхъ поръ я полюбилъ Н. И. Наша связь крѣпла съ каждымъ днемъ и мы часто видѣлись“¹⁾.

Интересенъ разсказъ о томъ, какъ К. и Корсунъ впервые познакомились съ произведеніями Тараса Шевченка: они шли въ соборъ на архіерейскую службу и зашли по дорогѣ въ книжную лавку. Имъ тамъ дали „Кобзарь“: „Мы присѣли на лавкѣ да и просидѣли не только обѣдню—и самый обѣдъ; всю книгу прочитали“. Въ теченіе одного года Н. И. Костомаровъ занимался въ Харьковѣ педагогическою дѣятельностью. Въ Харьковѣ въ 30-хъ годахъ существовалъ частный пансіонъ де-Роберти; преподавателями въ старшихъ классахъ гимназіи были тамъ нѣкоторые профессора Харьк. универ.; т. к. де-Роберти не скупился и щедро вознаграждалъ трудъ преподавателей, Ник. Ив. преподавалъ во 2-мъ классѣ въ теченіе одного года, но и за это короткое время сумѣлъ возбудить къ себѣ общія симпатіи: по отзыву его бывшаго ученика Гвоздикова онъ принесъ много пользы своимъ ученикамъ; изъ двухчасового урока Н. И. посвящалъ полчаса дружеской бесѣдѣ, рассказывалъ ученикамъ разные смѣшные историческіе анекдоты, преимущественно изъ малорусскаго быта. Всѣ слушали съ громаднымъ интересомъ. „Гуманная доброта“, кроткое простое обращеніе, задушевная теплота, юморъ — все это производило магическое дѣйствіе на учащихся; рѣдко кто изъ учениковъ получалъ по его предмету—4. Всѣ старались получить 5.

Такимъ рисуетъ намъ Гвоздиковъ Ник. Ив., какъ педагога²⁾.

Въ послѣдній годъ харьк. жизни К. усиленно занимался изученіемъ источниковъ эпохи Хмѣльниччины: „Это занятіе“,

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1890 г., кн. 10.

²⁾ „Русская Старина“ 1890 г. апрѣль.

вспоминаетъ онъ, „увлекая меня, внушало сильное желаніе побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили описываемыя мною событія“. Съ этой цѣлью К. принимаетъ мѣсто учителя исторіи въ Ровенской гимназіи.

Такъ кончилось пребываніе К. въ городѣ Харьковѣ: Харьковъ и его университетъ оказали большое вліяніе на К.: въ Харьковѣ Костомаровъ впервые заинтересовался малорусскимъ языкомъ, малорусской словесностью и вообще малорусской народностью. Этотъ интересъ выросъ и развился въ Харьковѣ: его первые литературные и историческіе и этнографическіе опыты относятся ко времени пребыванія въ Харьковѣ. Квитко-Основьяненко, Срезневскій, Метлинскій и нѣкоторые другіе малорусскіе литературные дѣятели оказали на него личное непосредственное вліяніе въ смыслѣ пробужденія и поддержанія интереса къ малорусскому народу.

Этотъ интересъ остался у К. и въ его послѣдующей исторической дѣятельности.

Связь съ Харьковомъ не совсѣмъ порвалась у К. и послѣ его отъѣзда: когда въ 1862 г. К. напечаталъ въ „Основѣ“ статью о томъ, что слѣдуетъ организовать печатаніе малорусскихъ научно-популярныхъ книжекъ, то „нѣкоторые“, какъ пишетъ онъ, „стали присылать мнѣ деньги для печатанія такихъ книгъ“. Деньги присылались преимущественно изъ Малороссіи съ лѣвой стороны Днѣпра и особенно изъ Харьковской губерніи¹⁾.

Въ задуманной Кулишемъ и Костомаровымъ разработкѣ изданія этнографическихъ матеріаловъ должны были принять участіе Срезневскій и Метлинскій.

Въ 1864—5 г. К. долженъ былъ занять каѣдру русской исторіи въ Харьк. университетѣ и только по независящимъ обстоятельствамъ не попалъ въ Харьковъ. Въ концѣ 1863 г. влѣдствіе душевной болѣзни проф. Зернина освободилась въ Харьк. унив. каѣдра русской исторіи. Среди профессоровъ возникла мысль о приглашеніи на каѣдру Костомарова.

Въ очеркѣ историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета говорится о приглашеніи К. такъ: „5-го декабря 1864 г. на эту каѣдру былъ избранъ единогласно (3 гол.) Н. И. Костомаровъ согласно предложенію проф. М. И. Петрова. 11-го февраля. 1865 г. Н. И. Костомаровъ отказался отъ предложенія факультета“¹⁾.

¹⁾ Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета, 1908 г. X.

Въ „Автобіографіи“ Н. И. пишетъ о приглашеніи его: „Въ то время я получилъ отъ Харьковскаго университета приглашеніе занять каѳедру русской исторіи, но министръ Головинъ объявилъ мнѣ, что по причинамъ возникшихъ въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ обвиненій меня въ украинофильствѣ, онъ не совѣтуетъ мнѣ принимать каѳедру въ малорусскомъ краѣ и предложилъ попросить Высочайшаго утвержденія за мной пожизненнаго профессорскаго содержанія, уже предоставленнаго мнѣ, но только на 3 года. Согласно совѣту и предложенію министра я отказался отъ чести занять каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ“.

Эти краткія свѣдѣнія разясняются письмами Ник. Ив. Костомарова къ проф. Харьковскаго университета Ивану Петровичу Сокальскому, впервые нынѣ публикуемыми.

Вотъ ихъ подлинный текстъ:

16 ноября 1863 г.

„Милостивый Государь Иванъ Петровичъ. Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ сообщилъ мнѣ, что вы писали къ нему, что историко-филологическій факультетъ желаетъ знать: принялъ ли бы я каѳедру русской исторіи въ Харьковѣ и по этому поводу нужно имѣть списокъ моихъ трудовъ по русской исторіи. Считаю умѣстнымъ сообщить вамъ, что въ настоящее время я готовъ съ удовольствіемъ посвятить себя чтенію русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ, если университету угодно будетъ удостоить меня чести быть избраннымъ въ число его членовъ съ званіемъ ординарнаго профессора, которымъ я пользовался въ бытность въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Докторскую степень я имѣю. Посылаю перечень главнѣйшихъ трудовъ моихъ по русской исторіи.

Примите увѣренія въ чувствахъ глубочайшаго моего уваженія и совершенной преданности вамъ, Милостивый Государь, готовый къ услугамъ

Николай Костомаровъ“.

„Милостивый Государь Иванъ Петровичъ, приношу вамъ сердечную благодарность за ваше доброе вниманіе. Но вотъ обстоятельство. Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ передалъ мнѣ, что вы писали къ нему, что если меня выберутъ и ординарнымъ, но все-таки жалованье будутъ давать экстраординарнаго нѣсколько времени. Я ждалъ, что объ этомъ мнѣ сообщится подробнѣе, но не дождавшись рѣшаюсь писать къ вамъ и объяснить, что съ такимъ условіемъ я отнюдь не могу согла-

сѣться; при настоящей дороговизнѣ этихъ средствъ было бы для меня недостаточно, тѣмъ болѣе, что перемѣщеніе въ Харьковъ будетъ сопряжено съ большими издержками, а живя въ Харьковѣ, я буду лишень средствъ отъ литературныхъ трудовъ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенной преданностью честь имѣю пребыть вамъ, милостивый государь, готовый къ услугамъ

Н. Костомаровъ.

Январь 8 1865 г. СПБ.

„Милостивый Государь Иванъ Петровичъ.

По полученіи отъ васъ депеши ¹⁾ я съ полнѣйшимъ согласіемъ на предлагаемыя условія, отправился на другой же день къ министру, чтобы сообщить ему о предложеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его о соотвѣтствующемъ распоряженіи въ свое время, но вопреки ожиданіямъ нашелъ его рѣшительно не расположеннымъ не только утвердить представленіе Харьковскаго университета, лежавшее уже у него на столѣ, но даже вообще допустить меня къ чтенію лекцій въ какомъ бы то ни было изъ Россійскихъ университетовъ. Я затруднялся отвѣчать на депешу депешою, ибо есть причины, которыхъ излагать официально не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что министръ не желаетъ ихъ официально выставлять; и, напротивъ, хочетъ дать этому дѣлу наружное благообразіе. Прошу только принять увѣреніе, что я искренне желалъ бы служить Харьковскому университету и его вниманіе будетъ для меня всегда лучшимъ (хотя печальнымъ по результату) воспоминаніемъ. Что подѣйствовало на министра во всемъ строѣ его распоряженій и управленія—это печальное дѣло Спасовича. Въ самомъ дѣлѣ министромъ были предусмотрѣны и предприняты всевозможныя мѣры, было спрошено третіе отдѣленіе о степени благонадежности Спасовича въ государственно-политическомъ отношеніи—отвѣтъ изъ третьяго отдѣленія получился самый удовлетворительный. Доносничество Московской газетной прессы повернуло дѣло иначе. Только одинъ министръ и остался при увѣренности въ невинности Спасовича—послѣднему мало пользы отъ такой лестной увѣренности: онъ потерялъ не только катедру, но и право на другія мѣста, да сверхъ того осрамленъ на всю Россію, ибо очень многіе (да что говорить *многіе*, чуть ли не *почти всѣ*)

¹⁾ Вотъ подлинный текстъ этой депеши: „Сію минуту вы блистательно избраны ординарнымъ профессоромъ, горячо поздравляю. Со-
кальскій“.

увѣрены, что онъ принадлежитъ къ всевозможнѣйшимъ категоріямъ ...истовъ, даже такихъ ...истовъ, которыхъ значеніе развѣ одному Богу извѣстно. Къ сожалѣнію, министр, очевидно, находитъ аналогію между положеніемъ Спасовича и моимъ. На меня уже поднимался ужасный лай, то за любовь къ украинской народности, окрещенную именемъ сепаратизма, отъ москвичей, то за перефразы изъ лѣтописныхъ извѣстій о Донскомъ, растолкованныя въ смыслѣ тайнаго намѣренія чернить имена, дорогія русскому сердцу. Понятно, что министр, сопоставивъ меня со Спасовичемъ, считаетъ возможнымъ повтореніе извѣстной поговорки: *hodie mihi, cras tibi!* Впрочемъ, я увѣренъ, приди представленіе Харьковского университета прежде Спасовичевскаго дѣла, препятствій бы не было; и если не успѣло ранѣе, то слѣдовало бы подождать, пока не прошелъ бы чадъ, произведенный такою катастрофою, и не замѣнился бы болѣе благопріятными испареніями отъ успѣховъ. Примите увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія и преданности вамъ.

Готовый къ услугамъ Н. Костомаровъ.

Февраль 15, 1865 г.

Все написанное здѣсь да останется между нами. Это уже письмо не считайте официальнымъ.

Напомнимъ, что Головинъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія съ 25-го декабря 1861 года по 14-е апрѣля 1866 года. Это былъ человѣкъ образованный, либеральный государственный дѣятель, привлекавшій для обсужденія вопросовъ образованія общество, стоявшій за широкую гласность. При немъ прошелъ Университетскій уставъ 1863 года. Чѣмъ же объясняется его отрицательное отношеніе къ выбору Костомарова въ профессора Харьковского университета?

Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ 1865 году проявилось уже охранительное теченіе, которое привело въ слѣдующемъ году къ его отставкѣ и назначенію на постъ министра гр. Д. А. Толстого, при чемъ Высочайше повелѣно было въ рескриптѣ на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. Гагарина руководиться въ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія охранительными началами христіанской религіи и существующаго государственнаго строя. Спасовичъ одновременно съ Костомаровымъ былъ профессоромъ Петербургскаго университета, вышелъ оттуда въ 1861 году, а затѣмъ былъ преподавателемъ уголовного права въ Училищѣ правовѣдѣнія.

Личное отношеніе къ Харьковскому краю, къ г. Харькову и его университету Н. И. Костомаровъ сохранилъ во всю свою жизнь.

А. Θ. Селивановъ ¹⁾ въ небольшомъ очеркѣ говорить о своемъ знакомствѣ съ Н. И. въ Петербургѣ. Въ 1882 году, когда онъ собирался ѣхать туда изъ Харькова и зашелъ проститься къ профессору Сокальскому, послѣдній далъ ему письмо къ Костомарову и нѣсколько №№ „Статист. Листка“, который онъ издавалъ тогда. По словамъ А. Θ. Селиванова, Костомаровъ принялъ его очень привѣтливо: „Подробно разспрашивалъ о Харьковѣ, объ университетѣ, гдѣ у него среди профессоровъ были и товарищи, и друзья. Но особенно его интересовало преподаваніе русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ и исторія выбора профессора на эту кафедру“. Тогда выбранъ былъ Д. И. Багалъйй).

Особое вниманіе Николай Ивановичъ обратилъ въ разговорѣ на труды по изученію Слободского Края въ историческомъ отношеніи: „Говоря о важности изученія малороссійскаго архива при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ обществѣ, Н. И. высказалъ, что для изученія вещественныхъ памятниковъ желательно было, чтобы слѣдующій Археологическій съѣздъ собрался послѣ Одессы въ Харьковѣ. По его мнѣнію Харьковская губернія и въ особенности Донская область, весьма интересны съ археологической стороны. Донская область при переселеніи народовъ служила станціей для нихъ, и въ ней и въ Слободской Украинѣ находили предметы каменнаго и другихъ вѣковъ; между тѣмъ этотъ край почти совершенно не изслѣдованъ въ археологическомъ отношеніи“.

По словамъ А. Θ. Селиванова Николай Ивановичъ собирався лично хлопотать на Одесскомъ Съѣздѣ, чтобы слѣдующій Съѣздъ былъ въ Харьковѣ. Но по болѣзни не могъ явиться на Съѣздъ. Г. Селивановъ сообщилъ доводы Николая Ивановича гр. Уварову и другимъ ученымъ, и Харьковъ былъ выбранъ мѣстомъ для Съѣзда. Но 6-го апрѣля 1885 года умеръ Костомаровъ, а вскорѣ умеръ и устроитель Съѣздовъ гр. Уваровъ.

Профессору И. П. Сокальскому Николай Ивановичъ Костомаровъ написалъ слѣдующее письмо: „Многоуважаемый Иванъ Петровичъ, отъ души благодарю Васъ за вниманіе, оказанное любезнымъ письмомъ Вашимъ и присылкой Статистическаго

¹⁾ „Русская Старина“ 1888 г. апрѣль.

Листка, который заключаетъ очень любопытныя извѣстія, касающіяся мѣстнаго края.

Г. Селивановъ говорилъ мнѣ, что у васъ предполагается предложить открыть въ Харьковѣ археологическій съѣздъ, который будетъ седьмой. Это очень пріятно слышать. Давно бы пора. Когда при окончаніи (Кавказскаго) Съѣзда было совѣщаніе о томъ, гдѣ быть слѣдующему Съѣзду, я заявлялъ мысль, что надобно было бы ему быть въ Харьковѣ; но гр. Уваровъ объявилъ, что отъ Новороссійскаго университета получено приглашеніе устроить его въ Одессѣ. Надобно, чтобы когда Богъ дастъ дождемся 6-го Съѣзда, отъ Харьковскаго Университета получено было также приглашеніе. А. Харьковскому Краю подобаешь. Тамъ въ археологическомъ и историческомъ отношеніи ¹⁾ многое остается нетронутымъ. Могилы, которыхъ тамъ такое множество, почти не подвергаются ученому вскрытію, а что касается до исторіи, то нѣтъ въ Европейской Россіи края, котораго судьба менѣе намъ извѣстна и изслѣдована, какъ Слободской Украины. Въдѣ о пяти слободскихъ полкахъ едва-ли (по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно) есть что-нибудь кромѣ короткихъ брошюръ Головинскаго, Срезневскаго и еще кого-то (впрочемъ теперь ихъ не найти въ книжныхъ лавкахъ). Не можетъ быть, чтобы въ краѣ не осталось матеріаловъ какъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ данныхъ, частныхъ лицъ. Примите увѣреніе въ чувствахъ моего глубочайшаго къ Вамъ уваженія и преданности Вамъ готовый къ услугамъ

Николай Костомаровъ.

1882 г. декабрь 22.

Въ 1884 году А. О. Селивановъ послалъ свои замѣтки о „Купянскомъ вертепѣ“ Н. И. Костомарову и попросилъ его сообщить о своемъ здоровьѣ, послѣ того какъ послѣдній при переходѣ черезъ улицу былъ сшибленъ экипажемъ. Въ отвѣтъ на это А. О. Селивановъ получилъ отъ Н. И. Костомарова два письма, которыя также могутъ отчасти характеризовать отношеніе покойнаго историка къ Харькову. Благодаря за вниманіе, Н. И. К. пишетъ: „Совѣстно мнѣ, если не удастся чѣмъ-

¹⁾ Это мнѣніе Н. И. Костомарова вполне подтвердилось, когда въ Харьковѣ былъ основанъ Историко-Филологическимъ Обществомъ при Университетѣ большой Историческій Архивъ изъ мѣстныхъ документовъ, а затѣмъ, въ связи съ Археологическимъ Съѣздомъ въ 1902 году, образовался цѣлый музей мѣстныхъ древностей при университетѣ.

нѣтъ возблагодарить за такое отношеніе ко мнѣ *родного доро-
гого края*, гдѣ протекла моя юность. Пусть этотъ край цвѣтетъ
и цвѣтетъ. Пусть возрождается, пусть воскресаетъ въ немъ то,
что убито было неумолимымъ временемъ и непогодами. Пусть
поколѣнія, одно за другимъ, высказываютъ болѣе и болѣе бла-
городства, энергіи, любви къ общему добру, просвѣщенію и
привязанности къ своей народности. Пусть не переводятся въ
немъ такіе люди, какъ тѣ, которые меня удостоили настоящимъ
вниманіемъ. Если ихъ что побуждало къ такому знаку уваже-
нія ко мнѣ, то разумѣется, то, что я, начавши свое воспитаніе
и первую дѣятельность въ Слободскомъ краѣ, пребылъ и, ко-
нечно, до могилы пребуду вѣренъ любви къ этой своей народ-
ности!

Письмо къ профессору Д. И. Багалѣю также ясно указы-
ваетъ на тотъ интересъ, который сохранился у Н. И. къ Сло-
бодской Украинѣ: „Милостивый Государь, Дмитрій Ивановичъ!
Николай Васильевичъ Калачовъ, узнавши отъ меня о докумен-
тахъ, которые у васъ находятся, предлагаетъ напечатать ихъ отъ
Академіи Наукъ и проситъ прислать означенные документы
на его имя въ Академію Наукъ съ письмомъ къ нему и, въ
этомъ письмѣ сообщить условія ваши, но было бы лучше,
если вамъ можно самимъ вамъ лично прибыть въ Петербургъ,
въ особенности если вы желаете, чтобъ напечатаніе ихъ совер-
шилось подъ ближайшимъ вашимъ наблюденіемъ. Сообщаю
вамъ объ этомъ для свѣдѣнія и приступленія къ мѣрамъ, какія
найдете вы для себя цѣлесообразными. Благovolите написать
ко мнѣ, какъ рѣшится, а Калачова адресъ: Его Пр—ству Ник.
Ив. Калачову Академику въ Академіи Наукъ или въ Археоло-
гическій Институтъ собств. домъ Калачова въ линію Васильев-
скаго острова или въ собственномъ домѣ между 13-ой 14 ли-
ніями Вас. острова на Среднемъ Проспектѣ: тамъ онъ самъ
живетъ. Куда угодно изъ этихъ адресовъ позвольте написать.

Вамъ преданный душевно Николай Костомаровъ.

Желаю отъ чистаго сердца вамъ, всякаго благополучія и
успѣха въ Вашихъ предпріятіяхъ и занятіяхъ. О мнѣ же из-
вольте вѣдать, какъ о всегда готовомъ по мѣрѣ возможности
быть вамъ полезнымъ и готовымъ ко всякой услугѣ.

Дек. 7. 1884 г. Вас. Остр. I л. д. 6. кв. 3.

Отозвались профессора Харьковского университета и на
смерть Н. И. Костомарова: по иниціативѣ И. П. Сокальскаго,

сына того самаго Сокольскаго, на квартирѣ котораго проживалъ Н. И. въ бытность свою студентомъ Харьковскаго университета, они поручили академику Михаилу Ивановичу Сухомлинову приобрѣсти и возложить на его гробъ вѣнокъ.

Вотъ какъ рисуется этотъ актъ послѣдней почести почившему историку со стороны профессоровъ университета въ неопубликованной перепискѣ профессора И. П. Сокальскаго съ акад. М. И. Сухомлиновымъ: Къ свѣдѣнію профессоровъ, подписавшихся на вѣнокъ Н. И. Костомарову.

При семъ прилагается письмо академика Сухомлинова о заказѣ вѣнка на 60 р., какъ было сказано въ телеграммѣ на его имя. Казначей университета теперь боленъ и выдать денегъ черезъ него нельзя.

Не найдется ли въ числѣ подписавшихся настолько самостоятельный въ денежномъ отношеніи, чтобы выслать теперь же 60 р. по адресу, въ письмѣ означенному. А съ подписавшихся будетъ вычесть 20-го апрѣля с. г.

И. Сокальскій 9 апр. 1885 г.

А вотъ отвѣтныя письма проф. И. П. Сокальскому отъ акад. М. И. Сухомлинова.

Дорого Уолли ¹⁾! Вѣнокъ Костомарову заказанъ. Погребеніе въ четвергъ, отиѣваніе въ университетской церкви. Вѣнокъ „отъ профессоровъ Харьковскаго университета“ будутъ нести съ похороннымъ шествіемъ отъ университета до Волкова кладбища.

Крѣпко обнимаю тебя

М. Сухомлиновъ.

13 апр. 1885 г.

Спѣшу увѣдомить тебя, дорогой Уолли, что на основаніи твоей телеграммы, я заказалъ вѣнокъ на могилу Костомарова „отъ профессоровъ Харьковскаго университета“, какъ я и писалъ тебѣ. Вѣнокъ этотъ былънесенъ въ погребальномъ шествіи (см. Новости 12 апрѣля). Вѣнокъ стоитъ 60 (шестьдесятъ) рублей, на это у меня имѣется росписка изъ магазина цвѣтовъ. Сегодня я слышалъ, что еще вѣнокъ былъ заказанъ, не знаю гѣмъ по телеграммѣ, подписанной пятью профессорами и въ томъ числѣ и тобою. Что это значитъ. Развѣ харьковскіе про-

¹⁾ Таково дружеское обращеніе М. И. Сухомлинова къ И. П. Сокальскому.

Фестива заказывали два вѣнка. Разъясни мнѣ это для избѣжанія путаницы. Въ процессіи было дѣйствительно два вѣнка отъ харьковцевъ, но на одномъ изъ нихъ, именно на томъ, который заказанъ мною, была надпись: „отъ профессоровъ Харьковского университета“, а на другомъ: „отъ харьковскихъ почитателей“. Не значишься ли и ты въ числѣ почитателей? Кѣмъ и у кого заказанъ вѣнокъ „отъ харьковскихъ почитателей“?—мнѣ неизвѣстно. Похороны Костомарова подробнѣе описаны въ Новостяхъ. Хотѣлъ сообщить тебѣ нѣсколько подробностей, но спѣшу въ засѣданіе Академіи Наукъ.

Искренній твой Сухомлиновъ.

18 апр. 1885 г.

Любезный другъ Уолли!

Вчера я получилъ твое письмо со вложеніемъ 60-ти руб. на вѣнокъ Костомарову и вчера же сдѣлалъ изъ нихъ должное употребленіе, въ доказательство чего и прилагаю счетъ изъ магазина. Вчера же мнѣ пришлось говорить и о самой существенной части твоего письма, именно о твоёмъ благомъ намѣреніи написать свои воспоминанія о Костомаровѣ. Такъ какъ ты одинъ изъ немногихъ, знавшихъ К. еще студентомъ, то воспоминанія твои объ этомъ времени должны быть весьма интересны. Я говорилъ объ этомъ съ Шубинскимъ, редакторомъ Историческаго Вѣстника. Онъ весьма и весьма охотно помѣститъ твои статьи, если ты пожелаешь. Его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы статья не была велика по объему—листа полтора, не больше. И надо поспѣшить со статьей; разнаго рода воспоминанія уже стали поступать въ редакцію и чѣмъ скорѣе появится твоя статья, тѣмъ лучше. Твою статью встрѣтятъ съ тѣмъ болѣшимъ радушіемъ, что ожидаютъ отъ нея вѣрнаго, умѣлаго и безпристрастнаго изложенія дѣла чуждаго всякой претенціозности. Опасаются, чтобы съ Костомаровымъ не повторилось того, что было съ Тургеневымъ послѣ его смерти: въ разныя редакціи стали посылать о Тургеневѣ въ такомъ изобиліи, что отказывались не только печатать присланное, но и читать его. Твое письмо, посланное до полученія моего, не разъясняетъ вопроса о томъ, до какой степени сильно сочувствіе Костомарову въ Харьковскомъ университетѣ. Но судя по тому, что ты пишешь о подписанномъ листѣ, можно думать, что подписалось болѣе пяти лицъ, отъ которыхъ прислана телеграмма. До сихъ поръ не разъяснилось и другое обстоятель-

ство—именно почему Костомаровъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, тогда какъ мать похоронена на Смоленскомъ и для самого Костомарова было куплено тамъ мѣсто. Съ нетерпѣніемъ жду статьи твоей, дорогой Уолли.

Душевно преданный тебѣ

М. Сухомлиновъ.

Передай искренній привѣтъ супругѣ твоей.

Къ сожалѣнію, нынѣ покойный, какъ и М. И. Сухомлиновъ. И. П. Сокальскій не осуществилъ своей мысли написать воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ; но все же теперь воспроизводится его переписка съ покойнымъ историкомъ, бросающая свѣтъ на одну изъ неясныхъ, но характерныхъ страницъ изъ его жизни.

Ольга Багалъй.

SS

